

ТюмГУ А. Яркова, считающего, что воздействие так называемой европейской цивилизации не всегда благотворно сказывается на экономическом и социальном положении, здоровье, да и нередко на самой жизни малых коренных народностей. [8] Но нельзя не согласиться с тем, что кооперация в целом и социокультурный фактор в отдельности сыграли немаловажную роль в жизни малочисленных народностей севера Западной Сибири, поставив их на новую, более высокую ступень социального, экономического и культурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске, далее: ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 209. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-2, 14.
2. Государственный Архив общественных и политических объединений Тюменской области, далее: ГАОПОТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 378.
3. ГАОПОТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 335 об.-336.
4. Белобородов В. К., Пуртова Т. В. Обь -Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. Тюмень, 2000. С. 19.
5. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 209. Оп. 1. Д. 4. Л. 285.
6. Бонифатьева Г. Т., Прибыльский Ю. П. Имя твое — Учитель. Тюмень, 2003. С. 197.
7. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 434. Оп. 1. Д. 26. Л. 43-43 об.
8. Ярков А. Всемирный день коренных народов мира. Тюменская область сегодня. 2006. 9 августа.

*Елена Алексеевна ДУНАЕВА —
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Тобольского индустриального института,
кандидат социологических наук*

УДК 316.42

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы развития образовательного потенциала молодежи в условиях деформации привычных социальных структур и морально-нравственных устоев российского общества.

The author considers some aspects of the development of the youth's educational potential in the conditions social structures deformation and moral bases in Russian Federation.

Образовательный потенциал молодежи занимает особое место в характеристике современного российского общества. Диапазон его становления и развития простирается в границах «коммунистического» вчера, «живого настоящего» и «поколения next». На сравнительно небольшом отрезке времени, рассматриваемом нами, его формирование сопровождалось «подъемами» и «падениями», а наблюдавшиеся при этом количественные и качественные изменения трудно назвать результатом «регулируемого процесса» [1].

Неразвитость социальной дифференциации и интеграции, так же как и «недостаточность» адаптационных ресурсов социальных субъектов (в нашем случае молодежи), нарушают устойчивость социальной системы, смещая ее в сторону хаоса (неопределенности).

В социологической энциклопедии социальная неопределенность трактуется как «нестабильное состояние, в котором находится общество или социальная

группа в условиях кризисов, социальных реформ, характеризующихся деформацией всех привычных структур и морально-нравственных устоев» [2]. Состояние нестабильности сопровождается ощущением утраты человеком социальной реальности, социального статуса, социальной роли в размытых социальных структурах. Н. Л. Смакотина отмечает, что влияние фактора неопределенности проявляется в ситуациях:

— выбора и формирования ценностных позиций, ценностных установок восприятия, мотивации;

— возникновения ценностно-ориентированных структур «жизненного мира» человека и общества;

— формирования темпорально-ценностных структур идентичности сознания личности и общественного сознания и разрушения идентичности во время конфликтов, стрессов и т. д.

Учитывая, что успешность социальной интеграции молодежи в условиях социальной неопределенности во многом зависит от возможности повышения ее образовательного статуса, изучение предпочтений молодежи при выборе сектора экономики, профессии, места работы представляет практический интерес. Вопрос о соразмерности внутренних потенций молодых людей нормам и потребностям общества и возможностей самого общества поддержать эти устремления, мы бы даже сказали спровоцировать их качественный рост, далеко не праздный.

Бесспорно утверждение о том, что в начале 1990-х гг. не было четких ориентиров развития российского общества. Подтверждением этого служат изменения в образовательном потенциале молодежи, которые приобретали характер *спорадических*. Они были вполне прогнозируемы и соответствовали нашим ожиданиям.

Так, в ходе Всероссийского социологического мониторинга «Социальное развитие молодежи» (руководитель В. И. Чупров, 1994 г.) была выявлена общая тенденция стагнации основных показателей образовательного потенциала молодежи, в частности, снижение ценности образования в структуре ее ценностных ориентаций. В сфере материального производства почти в два раза возросла доля работающих молодых людей, не имеющих профессионального образования [3].

Будучи составной частью реформирования российского общества, образовательный потенциал молодежи имел свою траекторию изменений в 90-х гг. XX в.-начале XXI вв. Особенности этих изменений обусловлены самой сущностью молодежи, занимающей специфическое место в системе воспроизводства общества, и незавершенностью становления ее субъектности в этой системе. На это обстоятельство указывает, например, В. И. Чупров, определивший молодежь как «становящийся субъект общественного воспроизводства» [4].

Те, кому в 1990-1991 гг. исполнилось 15 лет, уже покинули данную социально-демографическую группу. На смену им приходят родившиеся в «эпоху перемен». Им незнаком альтруизм «совковых» химер [5; 99], они проскочили период «блужданий» (1992-1996 гг.), но перед ними также встает сегодня проблема выбора ценностей. У них отсутствует переживание принудительного перехода к рыночной экономике и применительно к ним нельзя говорить «о существенных сдвигах в ценностных представлениях, ориентациях и типах поведения» [6].

Если первые «вошли в реку» длительного переходного периода, призванного перевести общество из одного качественного состояния в другое, причем в ситуации, когда ценности «отцов» утрачивали свое практическое значение и оказались не пригодными как для настоящей, так и будущей жизни, то последние осознали, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды». Им нечего терять. Большинство из них понимает, что повторить жизнь своих родителей невозможно. Неслучайно поэтому 68% респондентов давали отрицательный ответ на вопрос: «Не хотели бы вы в общих чертах повторить жизнь своих родителей?» [5; 99]. Нельзя ориентиро-

ваться на то, чего нет. Но несомненно и другое. Идеалы, ценности и устремления, так же как и предрассудки, имеют место как в стабильных условиях развития, так и в обстановке «динамического хаоса», состоянии неустойчивости, с той лишь разницей, что новые поколения приносят новые ценности и идеи, существенно отличающиеся от тех, которые определяли смысл бытия «отцов».

Общество пребывало в состоянии, когда индивидуализация личности перерастала в крайний индивидуализм, свобода — в отчуждение, ситуация выбора порождала бесконечную рефлексию, парализующую способность к действию, а многообразие приводило к стандартизации. Если же принять во внимание наличие многочисленного маргинального слоя в России, то становится ясно, что молодые люди, постоянно испытывающие чувство неудовлетворенности, легко теряющие социальные ориентиры (либо не имеющие таковых вообще), балансировали между апатией и чрезмерной агрессивностью, а это чревато негативными социальными последствиями.

Процесс включения молодого человека в систему образования зависит от действия многих факторов. Его потенциал характеризуют такие ресурсы, как происхождение, образование родителей и их связи, деньги. Эти и другие ресурсы влияют на вероятность получения (закрепления) соответствующего экономического статуса и на характер профессиональной деятельности. Разница стартовых условий молодежи превращалась для общества в мину замедленного действия.

Новые потребности производства, изменение форм и средств накопления и передачи опыта и знаний предопределили характер модернизации образования, изменили его лицо. Под воздействием информационных технологий и при их непосредственном участии происходили качественные изменения в сфере образования, трансформировалась структура занятости, соотношение различных профессиональных групп, доля «живого» и «неживого» труда в обществе. В этих условиях задачи повышения уровня образования молодежи, ее конкурентоспособности постепенно выдвигаются на первый план.

Однако противоречивость преобразований начала 90-х гг. XX века обесценила результат: направленные на максимальную коммерциализацию системы образования реформы не были ориентированы на будущее страны. Это привело к тому, что с повестки дня государственного управления системой образования автоматически был снят вопрос о «необходимости широких общих знаний». В качестве аргумента приводилось (и приводится) мнение, что многие виды труда не требуют среднего образования. Такой важный момент устойчивого развития общества, на который обращали внимание специалисты (А. Б. Вебер), как «смещение трудовой и потребительской активности человека в направлении культурных, нравственных, духовных ценностей» [7], остался вне поля зрения реформаторов.

При рассуждении о платном образовании чиновники чаще всего приводили абстрактные цифры платежеспособности населения. Например, «по данным Минфина, учреждения образования на платных услугах зарабатывают в год более 30 млрд рублей — это примерно четверть, а то и треть сверх того, что выделяет им государство»; «8 процентов родителей считают возможным для себя платить за высшее образование более 1200 долл. в год, 27 процентов — от 600 до 1200, 24 процента — от 350 до 600 долл. и т. д. [8]. Но при этом в расчет не принимался уровень жизни населения (по причине его несоответствия концепции платного образования).

Реальная же картина, как показал проведенный нами анализ, была такова. По данным Госкомстата, в 2001 г. доходы ниже величины прожиточного минимума имели 39,9 млн россиян или 27,6% населения. Из них 12,7 млн (8,8%) имели доходы ниже стоимости минимального набора продуктов питания, по сути, жили впроголодь [9]. В 2003 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 23,3% [10]. В Тюменской области

(с округами) аналогичный показатель в 2000 г. составил 21,3% от общей численности населения, в 2003 г. — 13,1%. По западным меркам, это не бедные — это нищие люди¹.

Коммерциализация общего и среднего профессионального образования серьезно подрывала потенциал человека, существенно снижая шансы молодых людей на получение профессии и, как следствие, на достойную жизнь. Подчеркнем, что *уровень общеобразовательной подготовки* (общие, базовые знания) выступает как *необходимый фундамент*, как обязательное условие для получения профессионального образования, овладения квалификацией, как основа получения знаний, которыми современному человеку предстоит овладевать постоянно. Это фундамент жизни отдельно взятого человека и база того общества, в котором мы живем сегодня и будем жить через двадцать-тридцать лет.

Без прогнозирования последствий функционирования системы образования трудно управлять потенциалом общества в целом, и отдельно взятого человека. Речь идет, по существу, о выяснении результативной составляющей образования для реализации экономического, нравственного, культурного потенциала человека, общества, государства. Но при всех достижениях государства, какими бы глобальными они ни были, не стоит забывать об образовательных достижениях отдельной личности.

Совокупный образовательный потенциал молодежи складывается из образовательных приобретений отдельного человека. Сам процесс умножения проходит несколько этапов. Традиционно считается, что первые «приобретения» (знания) человек получает в школе. По нашему мнению, при таком подходе исключаются 6-7 активных лет, *сензитивных*, с точки зрения усвоения определенных знаний, навыков, норм.

Первый социальный опыт ребенок приобретает в семье. Здесь реализуются первые замыслы, формируется общая социальная способность — способность к социальному обмену. Здесь он учится говорить, усваивает традиции, учится социальному ориентированию. Как справедливо было отмечено В. В. Зеньковским, социальная сила семьи, заключенная в духе солидарности, поддерживается «общей работой», общей жизнью, духом взаимопомощи. В условиях кризиса семья теряет почву для социального общения, что приводит к потере эмоционального единства. Взаимных обид становится больше, чем радости, члены семьи все больше устают друг от друга и при первом удобном случае бросают семью. В такой семье не удовлетворяются социальные запросы детей, усиливается неопределенное стремление к другой социальной обстановке [11]. В результате мы становимся свидетелями «бегства детей из семьи» и жуткого социального сиротства.

Социальное воспитание не может возместить того, что не дала ребенку семья. В этой ситуации *дошкольные учреждения призваны дополнить семейное воспитание*, а в ряде случаев осуществить и его коррекцию. Одно только поступление в дошкольное учреждение приносит с собой *ажитацию* всех социальных сил ребенка. При правильной организации дошкольные учреждения развивают социальные навыки, прививают вкус к сотрудничеству, социальному общению.

В прежние годы воздействие системы воспитания и образования для большинства ребят начиналось в дошкольных детских учреждениях. В 1988 г. в России насчитывалось 86,1 тыс. дошкольных учреждений, из них 45,4% располагались в сельской местности; обеспеченность детей постоянными дошкольными учреждениями составляла 71,3% [12; 175]. В 1996 г. охват дошкольным воспитанием в

¹ Мы разделяем точку зрения специалистов, относящих к бедным тех, кто имеет доходы, превышающие прожиточный минимум в два раза. При таком подходе 35% населения России должно быть отнесено к категории нищих, а 30% — к категории бедных.

России снизился до 55%. По данным Е. М. Рыбинского, за два года (1996-1997 гг.) численность детей, посещающих дошкольные учреждения, уменьшилась на один миллион (17%), а их количество сократилось на 8,6 тыс. (12%) [13].

Проведенный автором анализ показал, что в 2003 г. численность дошкольных учреждений в Тюменской области (с округами), по сравнению с 1993 г., снизилась на 38,9%. Численность детей, посещающих дошкольные учреждения, уменьшилась на 36%, но это скорее следствие демографических колебаний. Поскольку такой показатель, как «охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольным воспитанием» остался практически на одном уровне — 57,6% (в 1993 г. — 57,4%) [14; 119]. Настораживает другое. С увеличением платы за содержание ребенка и отменой льгот самые нуждающиеся в социальном воспитании дети оказались вне этой системы по причине ее финансовой недоступности.

Это увеличивало риск распространения социальных заболеваний в группе детей из малообеспеченных семей. Плохое питание, психоэмоциональные стрессы, бродяжничество в дошкольном возрасте снижают адаптационные возможности детей, становятся причиной «низкого» жизненного старта и дальнейшей криминализации. Потери этого периода жизни детей пока слабо осознаются и государством, и обществом. Чтобы их восполнить сегодня приходится тратить гораздо больше средств на реабилитационные мероприятия, финансирование классов компенсирующего обучения, коррекционных групп.

Следующая ступенька подготовки человека к жизни и труду — школа. Она обеспечивает базовый уровень общеобразовательной подготовки, выступает основным условием для получения профессионального образования, совершенствования квалификации. Уровень образования, который был достигнут к моменту социального самоопределения (15-18 лет), широта и устойчивость интересов, характер ценностных ориентаций, занятость выступают в качестве важнейших показателей успешного социального старта молодежи.

Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, положительное разрешение которой приведет к преодолению сложившихся стереотипов в развитии образования. Например, только в последние годы специалисты стали предметно говорить *о влиянии питания на интеллектуальное развитие личности*. Нарушение норм питания ведет к ухудшению интеллектуального развития детей почти в два раза. В новых социально-экономических условиях существенное нарушение медицинских норм питания в первую очередь коснулось детей, подростков, молодежи. Причина этого проста: очень низкая заработная плата их родителей. Так, в 2002 г. 50% работников имели заработную плату ниже величины, равной полутора прожиточным минимумам. Такие семьи не в состоянии прокормить на свою зарплату даже одного ребенка. По данным Е. Г. Слуцкого, достаточность и сбалансированность рациона питания отмечается только у 7-12% старших школьников и 5% подростков [15]. Для хорошей работы мозга необходима высокая подвижность нервных процессов — переход от возбуждения к торможению, быстрая обучаемость и переобучаемость. Нервные клетки должны быть хорошими и качественными, им требуется достаточное поступление белков, жиров, углеводов, витаминов, микроэлементов.

Тем не менее, когда речь идет о результативности образовательной деятельности, то прежде всего учитываются потребности и достижения государства, анализируется совокупный образовательный потенциал общества. Нельзя сказать, что при этом не осознается угроза возможной потери его жизнеспособности, но противоречивость происходящих в системе образования реорганизаций может поставить под сомнение целесообразность достижений российского общества. Границы этой угрозы вполне реальны. Они четко обозначены учеными (И. Ильинский, М. Руткевич, Ж. Тощенко и др.), озабоченными складывающейся ситуацией: это непрофессионализм, незнание и полужнание, знание без нравственности, знание без общей культуры.

Мы не склонны относить накрывшую нас волну неграмотности только к симптомам социального кризиса. Более века назад великий русский писатель Ф. Достоевский писал в своем дневнике: «Люди, люди - это самое главное. Люди дороже даже денег. *Людей ни на каком рынке не купишь* и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выделяются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать... Человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее, одним словом, образуется всею историческою жизнью страны... Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно» [16].

На исходе XX века радикализм российских демократов, выразившийся в стремлении разом покончить с советским прошлым, не просто разрушил прежний механизм воспитания, он «вывел» процесс воспитания новых морально-нравственных ориентиров, формирования культуры и стандартов социального поведения, практических социальных навыков, отвечающих принципам становления демократического общества, за скобки системы образования. Реформаторы забыли непреложную истину о том, что *человека*, способного жить и трудиться в условиях демократии и свободы, с одной стороны, и в жестких условиях рыночной экономики и конкуренции, с другой, *надо воспитать*. Ментальное сопротивление общества, привыкшего жить в условиях других ценностей и норм, невозможно преодолеть декларативными обещаниями сладкой жизни. Переход от одной социальной системы к другой требует не просто времени, а выбора стратегических приоритетов, к числу которых относятся и воспитание, и образование.

Сама проблема «человеческого фактора» вытекает непосредственно из качественного состояния российского общества, которое на исходе XX века столкнулось с проблемой незрелости, неподготовленности основной массы населения к созданию новой системы отношений. Соответственно встал вопрос о том, как совместить внутреннюю потенцию членов общества с его нормами и правилами в ситуации, когда не определена система ценностей, когда нарушена «самостоятельная жизнь нации», когда не востребован «человек самостоятельно деловой». В этой связи верным представляется рассуждение великого писателя Ф. Достоевского о «25-30 годках». Советское государство почти столетие «выковывало» нового человека, хотя и не вполне самостоятельного. Стоит ли теперь вменять в вину этому человеку то, что он плохо приспосабливается к рыночным отношениям? Он плоть от плоти своей.

Практика показывает, что уровень образовательной подготовки работника не всегда отвечает характеру работы, которую он выполняет. Нередки случаи, когда уровень образования значительно выше предъявляемых к работнику требований. Это проявляется в том случае, когда, получив соответствующее профессиональное образование, человек работает не по специальности. Среди причин работы не по специальности респонденты отмечают недостаточный уровень подготовки в учебном заведении и семейные обстоятельства (51,1%), неудовлетворенность полученной специальностью (19,2%), оплату труда (16,5%) и отсутствие вакансий по специальности (13,2%) [12; 46].

В конце 1990-х г. исследователями был отмечен такой факт: уже на студенческой скамье молодые люди осознают, что не будут работать по специальности после окончания учебного заведения (38%) [17]. Добавим, что подобные издержки свойственны обществу переходного типа и характеризуют его с негативной стороны. Некоторая «избыточность» образования — явление скорее временное. Интервал между грамотностью (как предпосылка последующего расширения знаний и навыков) и образованностью (личностные образовательные приобре-

тения) не должен быть слишком большим. Невостребованность соответствующих видов функциональной грамотности (например, правовой, компьютерной, экономической, информационной и др.) ведет к их обесцениванию и свидетельствует о бесцельной перегрузке учащихся.

Проведенный нами анализ показал, что в среднестатистических показателях образовательный потенциал российской молодежи в возрасте 15-19 лет выглядит вполне благополучно (рис. 1).

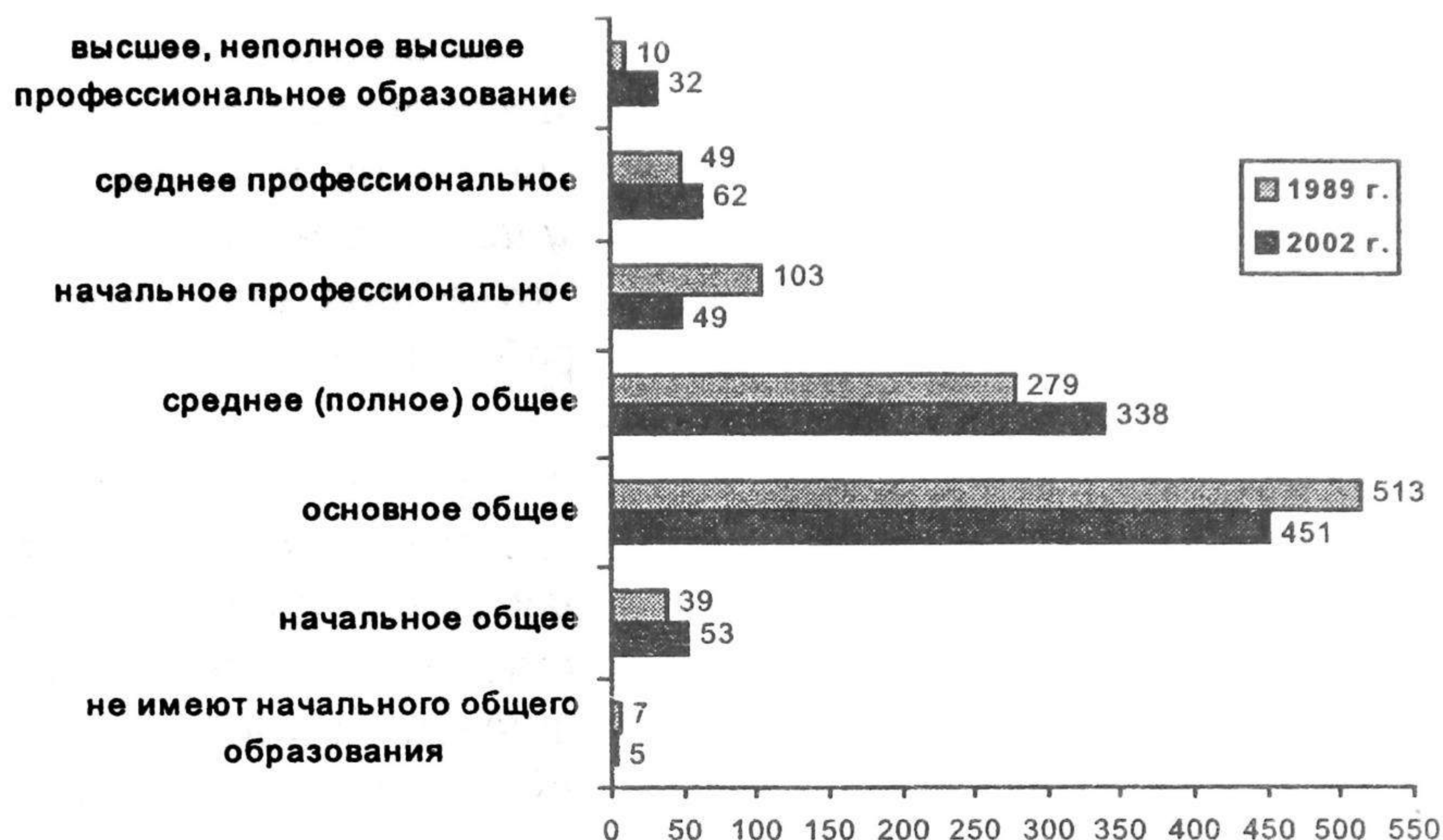

Рис. 1. Уровень образования молодежи в возрасте 15-19 лет (на 1000 человек)

По сравнению с 1989 г. каждый третий успевает к 19 годам окончить полную среднюю общеобразовательную школу. В три раза увеличилось количество молодых людей, имеющих неполное высшее профессиональное образование; в 1,3 раза выросла доля молодых людей, получивших среднее профессиональное образование. Но в 2002 г. в два раза сократилась доля молодежи с начальным профессиональным образованием, в 1,4 раза вырос показатель имеющих начальное образование [14; 118].

В 2002 г. каждый второй молодой человек к 20-24 годам завершил обучение в вузе или техникуме (среднем специальном учебном заведении). Доля молодежи с высшим и неполным высшим образованием увеличилась в 1,8 раза. Практически на одном уровне сохраняется доля молодых людей, получивших среднее профессиональное образование (рис. 2).

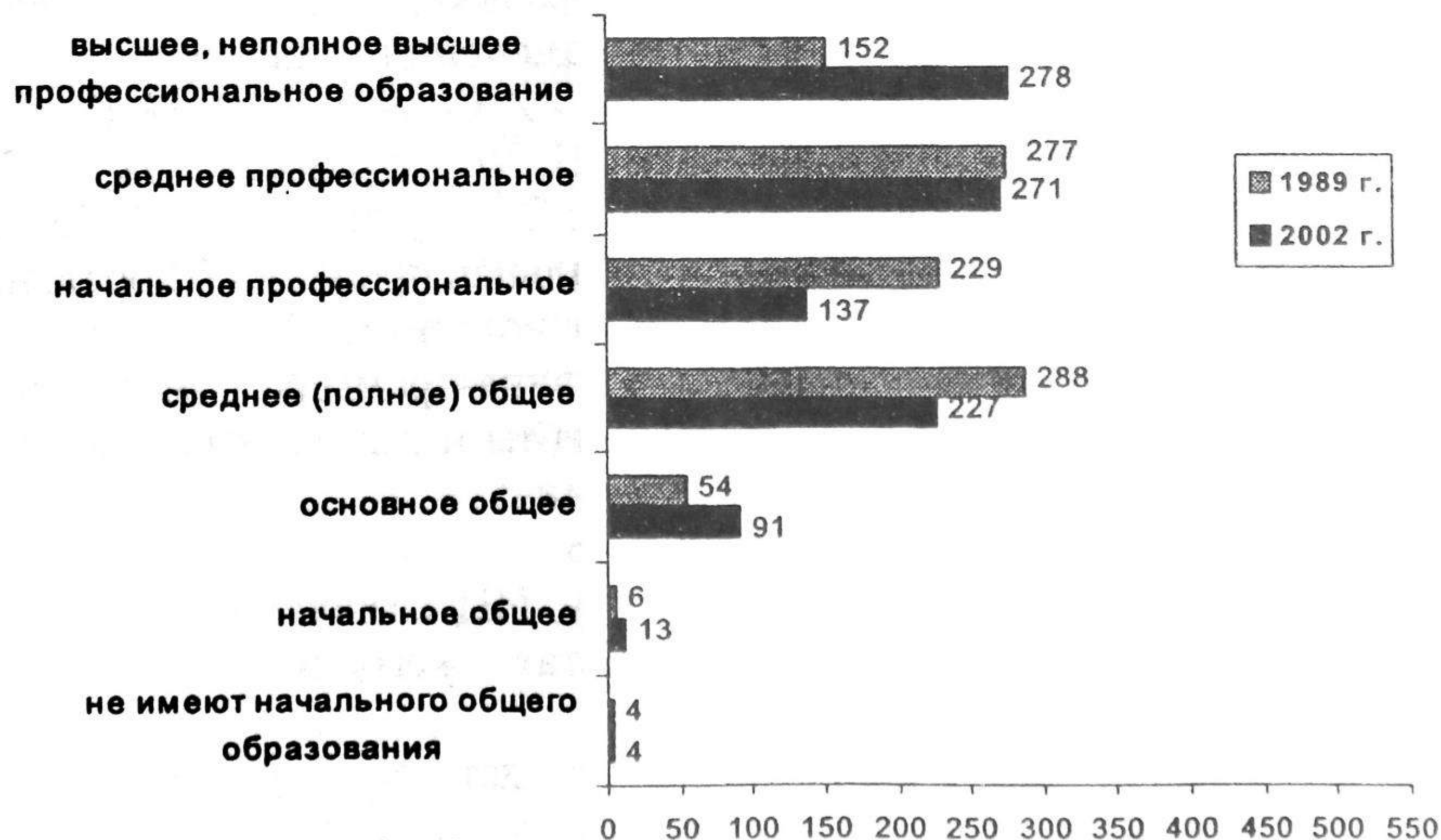

Рис. 2. Уровень образования молодежи в возрасте 20-24 лет (на 1000 человек)

У этого благополучия есть и обратная сторона: в 1,7 раза возросла доля молодежи, имеющей к 24 годам только основное общее образование; в два раза увеличилась доля молодежи с начальным образованием. Сократилось число молодежи, имеющей среднее (полное) общее образование: в 1989 г. их доля составляла 28,8% данной возрастной группы, в 2002 г. — 22,7% [14; 118].

Развитие образовательного потенциала молодежи связано с решением целого ряда проблем. Учитывая некоторый консерватизм системы образования, содержание потенциала должно рассчитываться с учетом перспективы развития общества. Необходимо обратить внимание на вполне очевидное влияние уровня образования на экономическое поведение человека, результаты его деятельности. В условиях роста образовательного потенциала молодежи будут изменяться условия и организация ее труда. *Нарушение равновесия при получении образования определенного уровня и качества способно обрушить трудовой процесс* посредством снижения требований к содержанию труда, условиям его организации.

Социально-экономический результат обусловлен развитием образовательного потенциала молодежи, использованием его в условиях сокращения трудовых ресурсов, изменения технологических характеристик производства.

Достижение паритета личных и общественных интересов при развитии образовательного потенциала способствует формированию принципиально новых гарантий занятости молодежи (не ситуационной — гарантия наличия рабочих мест, а институциональной — информационная помощь в выборе места работы, содействие в переквалификации, повышение трудовой мобильности). Необходимо постоянно оценивать эффективность использования образовательного потенциала молодежи, предлагая пути его более полной реализации. Создание и функционирование системы целенаправленной образовательной подготовки обеспечит формирование и развитие способностей молодежи, ее полноценное участие в общественном производстве, соответствующее качество жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чупров В. И. Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // СоцИс. 1994. № 6. С. 55.
2. Смакотина Н. Л. Неопределенность социальная / Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. С. 42.
3. Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998. С. 89-96.
4. Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // СоцИс. 1998. № 3. С. 94.
5. Лисовский В. Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // СоцИс. 1998. № 5.
6. Лапин Н. И., Беляева Л. А., Наумова Н. Ф., Здравомыслов А. Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 20.
7. Вебер А. Б. Устойчивое развитие как социальная проблема (глобальный контекст и российская ситуация). М.: Изд-во «Институт социологии», 1999. С. 78.
8. Бесплатную учебу отменяют? (интервью с вице-премьером, министром финансов Российской Федерации А. Кудриным) // Аргументы и факты. 2003. № 22. С. 10.
9. Российская газета. 2002. 28 июня. С. 11.
10. Российская газета. 2003. 23 декабря. С. 6.
11. Зеньковский В. В. Психология детства. М.: ИЦ «Академия», 1995. С. 306-324.
12. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1989.
13. Рыбинский Е. М. Социальные реальности детства в современном российском обществе. Дис... д-ра социол. наук в виде научного доклада. М., 1998. С. 36.
14. Россия в цифрах. 2005: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2005.

15. Слуцкий Е. Г. Качество жизни молодежи и молодежная политика. СПб: Петрополис, 1997. С. 51.

16. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 // Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 21. М.-Л.: Наука, 1980. С. 93.

17. Ручкин Б. А., Гришина Е. А., Серикова Н. А. Российская молодежь: десять главных проблем. М.: Социум, 1999. С. 36.

*Владимир Иванович ОСЕЙЧУК —
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
кандидат философских наук*

УДК 342.53

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИЛЬНОГО И ОТВЕТСТВЕННОГО ПЕРЕД НАРОДОМ ПАРЛАМЕНТА

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются противоречивые тенденции становления парламентаризма в России. В этой связи обосновываются некоторые предложения по изменению места и роли парламента в государственном механизме Российской Федерации.

The article under consideration deals with controversial tendencies of strengthening of parliamentary power in Russia. Respectively, the article gives justification and argumentation of some suggestions concerning the change of Parliament's role in the state mechanism of Russian Federation.

Центральной проблемой общественных дискуссий вокруг нового этапа конституционной реформы в России является вопрос о повышении роли народа и его представителей в формировании и контроле институтов государственной власти. Речь, прежде всего, идет о создании сильного и ответственного перед народом парламента. По мнению Ж.-Ж. Руссо, «законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему» [1]. Что касается исполнительной власти, то она призвана осуществлять на практике волю народа и быть подконтрольной парламенту.

Сегодня большинство специалистов-государствоведов отмечают явный дисбаланс прав и полномочий между ветвями государственной власти, что таит серьезную угрозу для будущего российского государства. Российский государственный механизм устроен так, что фактически все зависит от воли и интересов президента. Однако, как справедливо отмечал Н. Макиавелли, «...хотя один человек способен создать определенный порядок, порядок этот окажется недолговечным, если будет опираться на плечи одного-единственного человека. Гораздо лучше, если он будет опираться на заботу многих граждан, и если многим гражданам будет вверено его поддержание» [2].

Правовые истоки нерациональности и неэффективности действующей модели парламентаризма в России кроются в Конституции 1993 года. Дисбаланс прав и полномочий между ветвями государственной власти в пользу власти исполнительной отвечал интересам нового правящего меньшинства России и был закреплен в нормах Конституции. Естественно, сам по себе этот дисбаланс государственной власти не будет преодолен, для этого требуется изменение действующей Конституции России. Поэтому новый этап конституционной реформы в России требуется и для того, чтобы наполнить реальным содержанием разделение властей, которое не имеет смысла, если парламент является карманным.